

УДК 82-14

СТИХОТВОРЕНИЯ «СТРИЖ» И «СОНЕТ» ИЗ ПИСЕМ Л. И. АВЕРЬЯНОВОЙ К А. И. КОРСУНУ
О. В. Родикова^{1, @}

¹ *Московский государственный университет путей сообщения*
 @ *ov.rodikova@yandex.ru*

В статье рассмотрены стихотворения «Стриж» и «Сонет» Л. И. Аверьяновой в литературном и историко-культурном контексте. Дан анализ лексических особенностей и метроритмической организации поэтических текстов. Автор выявил, что произведения объединены темой любви и описанием городского пейзажа. Однако в «Сонете» природа изображается как неотделимая часть города-мифа, а в «Стриже» люди и мегаполис противопоставлены миру природы. В результате исследования стихотворения из переписки Аверьяновой и А. И. Корсуна отнесены к модернистским текстам о городе.

Ключевые слова: стихотворение, городской текст, петербургский текст, рифма, лексическое значение, метафора.

Для цитирования: Родикова О. В. Стихотворения «Стриж» и «Сонет» из писем Л. И. Аверьяновой к А. И. Корсуну // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 2. С. 205 – 209.

В 1928 г. Л. И. Аверьянова знакомится со студентом Словесного отделения Института истории искусств А. И. Корсуном – поэтом и переводчиком скальдических стихов для книг «Исландские саги» и «Старшая Эдда». Андрей Иванович привлек внимание писательницы своей неземной красотой, «идолоподобием» [5, с. 101]. В воспоминаниях М. С. Глинки можно найти следующее описание Корсуна: «Двухметровый, с иконописным лицом <...>. Говорил он всегда и со всеми безукоризненно вежливо и сдержанно-приветливо» [4]. Бурно развивающийся роман Аверьяновой с Корсуном породил слухи в литературных кругах, а также вызвал опасения у Е. Данько и А. Ахматовой: «<...> одаренная и богатая душой женщина – себя продешевит, измотается, исстрадается из-за человека, который на большие отношения не способен» [9, л. 10 об. – 11.]. Однако, увлеченная новым чувством, Лидия Ивановна, не обращая внимания на предостережения подруг-писательниц, в короткое время создает лирический цикл-послание, посвященный Корсуну и составивший книгу стихотворений «Опрокинутый Шеврон». А уже «через год после событий, вызвавших к жизни творческий всплеск, Аверьянова оставила мужа <Ф. Ф. Дидерихса> и соединила свою судьбу с Корсуном» [1, с. 258 – 259].

О тяготах быта писательницы, голоде, болезни, безденежье 1934 – 1939-х гг. свидетельствуют ее письма к мужу, так как семейная жизнь Аверьяновой и Корсуна была отягощена разлуками, обусловленными отъездами Андрея Ивановича под Кисловодск к родителям и поездками Лидии Ивановны – переводчицы Всесоюзного Общества культурной связи с границей (ВОКС) по городам СССР. В их переписке редко затрагивалась тема творчества Аверьяновой: только в письме от 16 сентября 1938 г. Лидия Ивановна послала супругу стихотворения «Стриж» («В косом полете, прям, отважен...») и «Сонет» («Прекрасны камни Царского Села...»).

Стихотворение «Стриж», посвященное А. И. Корсуну, написано четырехстопным ямбом, что неслучайно. Согласно исследованиям К. Тарановского и

М. Л. Гаспарова [11; 3, с. 283] существует семантический ореол метра. При этом «установить прямую зависимость размера от семантики стихотворения невозможно. Но вполне возможно описать жанровые и смысловые тяготения, традицию использования того или иного размера в национальных поэтических культурах» [6, с. 15]. Так, четырехстопный ямб определяет гармоничное использование языковых единиц, упорядоченность элементов поэтической формы, обуславливает певучесть стихотворения, заглавие которого олицетворяет любовь, добро. Однако во второй строфе наблюдается нарушение размера: «Ворвался грудью в пейзаж / <...> / Заснул, кляня свой вояж» [1, с. 168]. Это сигнализирует о наличии «ритмического и смыслового курсива, о стремлении поэта почему-либо именно на этой строке (или строфе) сосредоточить внимание читателя» [8, с. 111]. Таким образом, Аверьянова акцентирует внимание на том, что стриж – вольная птица, несущая любовь и счастье, внезапно прилетает к людям: *влетел, ворвался, наскоро проверил* – и только на время находит пристанище «в чьих-то руках», в чьей-то жизни: «Вдруг полетел легко и плавно / С твоей руки к его руке» [1, с. 168]. На кратковременность счастья указывает и употребленный писательницей глагол «заснул»: сон – временное состояние покоя или отдыха, при котором прекращается работа сознания [10, с. 194].

Следовательно, счастье притаилось, уснуло, нашло временный приют в руках А. И. Корсуна. На это указывает посвящение стихотворения, использование писательницей личного местоимения «твоей», а также имен собственных, соотносимых не только с городом Санкт-Петербургом, где проживал Андрей Иванович, но и с местом его трудовой занятости; так как с 1934 по 1941-е гг. он работал библиотекарем в Эрмитаже: «В большие залы Эрмитажа / <...> / И с Александровской колонны» [1, с. 168].

Разговорная частица «прям» («В косом полете, прям, отважен» [1, с. 168]) и устаревшее, шутовское существительное «вояж», использованные Аверьяновой в стихотворении, вносят дополнительные эмо-

циональные оттенки в предложении: так писательница иронизирует по поводу отважности косого полета стрижа, возможно, указывая на чуждость отваги и храбрости при искривленной траектории полета. У птицы любви, по мнению Аверьяновой, к каждому конкретному человеку свой путь и он редко бывает прямым, однако окрыленное чувство, «кляня» свое путешествие, гордо и храбро несет «бремя» земного счастья.

Примечательно, что птица, залетевшая в Зимний дворец Петра I, нашла временный приют в зале, в котором расположена выставка картин французского художника-классициста XVII в. Никола Пуссена (1594 – 1665): «Ворвался грудью в пейзаж / И, по знакомству, у Пуссена / Заснул <...>» [1, с. 168]. При этом Аверьянова не уточняет, около какой именно картины птица «заснула», тогда как в собрании Государственного Эрмитажа хранится 11 полотен художника. Однако стриж, летавший в помещении, мог найти временный приют только рядом с тем, что ему было знакомо, и, возможно, это был мир природы, изображенный мастером на картине «Пейзаж с Полифемом». В этом полотне Пуссена заключена идея величия, красоты и мощи природы в ее связи с человеком. А стриж – часть идеального мира природы попытался ворваться в жизнь людей с целью привнести в нее немного небесного счастья и, тем самым, укрепить связь между небом, человеком и природой.

Необходимо указать, что именно в этой картине присутствует элемент, связующий на расстоянии сердца влюбленных: Полифем, тоскующий по нимфе Галатеи, вкладывает свое чувство в мелодию, наигрываемую на свирели. Музыка, создавая романтический ореол вокруг циклопа, передает состояние играющего и, возможно, отдельными звуками доносится до возлюбленной. Так, переписка между Корсуном и писательницей, словно музыка соединяет двух людей, вынужденных подолгу жить на расстоянии.

При этом птица, влетевшая в жизнь людей, принесла и ряд неудобств, связанных с ее изгнанием: «Его ловили неуклонно, / Стремянкой бороздили пол» [1, с. 168]. Наречие *неуклонно*, использованное в стихотворении, указывает на напористое, настойчивое желание не только изгнать стрижа из помещения, но и истребить любое проявление чувства в сердце.

Тогда как, употребив разговорную лексику *куксился* («Но стриж, что куксился забавно» [1, с. 168]), писательница сблизилась с собирательным образом ребенка: птица хмурится и капризничает как забавное дитя, привлекая к себе внимание окружающих людей. Так, Аверьянова указала на то, что любовь как чувство, посланное небом в радость людям, невинна, непостоянна в своих «увлечениях» и капризна в выборе объектов влияния. А с точки зрения православия, у каждого ребенка есть собственный ангел-хранитель, поэтому и у стрижа он есть: «И с Александровской колонны / Его хранитель не сошел...» [1, с. 168]. Именно ангел Александровского столпа, левой рукой держащий крест, а правой рукой зывающий к небу, охраняет любовь и счастье, витающее в городе.

Таким образом, в лирическом произведении «Стриж» Л. И. Аверьяновой птица олицетворяет не только чувство любви, дарованное А. И. Корсуну к писательнице, но и счастье каждого жителя города, оберегаемое ангелом Александровской колонны. При этом стихотворение, состоящее из четырех строф и написанное четырехстопным ямбом с женской и мужской рифмой (AbAb), можно логически разделить на две части: первые две строфы – прилет стрижа, а две последние строфы – изгнание птицы, указывающее на нежелание людей впускать в свою жизнь нечто несоответствующее их пониманию бытия; из этого следует отстранение человека от мира природы, от жизненных радостей и любви.

Стихотворение «Сонет» из письма Аверьяновой к Корсуну не имеет посвящения. Однако произведения «Сонет» и «Стриж» объединены темой любви: только в «Стриже» – прочитываемая в подтексте любовь между людьми, а в «Сонете» – явно выраженная тема любви к малой Родине. Поэтому в «Сонете» нет жесткой привязанности топографии к Эрмитажу и его ближайшим окрестностям, как в поэтическом тексте «Стриж»: лирическая героиня любит архитектуру и пейзажем не только Санкт-Петербурга, но и городов Ленинградской области («Прекрасны камни Царского Села: / <...> многократная Нева. / И Павловска эпическую медь / <...> и Петергоф тяжелый» [1, с. 169]).

В духе акмеизма лирическая героиня погружена в мир своих чувств, эмоций, которые не раскрываются непосредственно перед читателем, а передаются душевными движениями («Но если б вновь родиться я могла, / Я родилась бы снова в Петербурге» [1, с. 169]); перечислением предметов внешнего мира («Его оград чугунная трава, / Гранитные перевивая чурки» [1, с. 169]), психологических деталей, что обуславливает конкретность и индивидуальность переживания.

В стихотворении присутствует автобиографическое начало: писательница вкладывает в уста лирической героини свое видение Петербурга и его окрестностей; а также убеждения в том, что она сможет попрощаться с Родиной, с любимыми пейзажами, величественными архитектурными ансамблями («Переживу, и Петергоф тяжелый» [1, с. 169]) несмотря на то, что они «вросли» ей в сердце и душу («Вросла мне в сердце, голубе шкурки / Песца та многократная Нева» [1, с. 169]). Так, «еще в начале 1920-х гг. Л. Аверьянова хотела эмигрировать. <...>. Впоследствии, вероятно, под сильным, хотя и непродолжительным обаянием Второй Москвы <поэтическая книга Аверьяновой>, тема отъезда и вообще отодвинулась на задний план и не беспокоила поэтессу вплоть до 1930-х гг.» [1, с. 273]. А в 1930-х гг. голод, отсутствие постоянного заработка, отказ в издании книги «Вторая Москва», полученный от П. Н. Медведева, заведовавшего литературным отделом Государственного издательства – все это привело к настойчивому желанию писательницы эмигрировать.

Внутренне готовясь к эмиграции и убеждая себя в том, что она этот жизненный этап переживет, хоть и болезненно, писательница все же думает о Родине и как о «пристанище» ее бренного тела после смерти:

«Но в Гатчине хочу я умереть» [1, с. 169]. Однако «прорыв из внутренней эмиграции на свободу Аверьяновой не удался, но стал возможным для ее стихов» [1, с. 273].

Следовательно, в стихотворении Аверьяновой, проявилось русское национальное начало, характерное для поэзии акмеистов [7]: в непосредственном ощущении родной природы («Где воды свежи и где зреет жолудь <сохранена авторская орфография>» [1, с. 169]), в чувстве исторической памяти («В сих раковинах – славы отзвук гулкий» [1, с. 169]) и в ориентации на нравственные ценности народа.

Урбанистические мотивы, присутствующие в поэтическом произведении, создают персональную картину мира человека, рожденного в Санкт-Петербурге. Так, мир лирической героини замыкается вокруг Ленинградской области, которая воспринимается ею как райское место на брэнной земле: *тут воды свежи, прекрасны камни, зреет жолудь*. Что обусловлено остротой восприятия места рождения в минуты понимания необходимости переезда. Особую для сердца привлекательность мегаполиса передают эпитеты, употребленные Аверьяновой: *многократная Нева, тяжелый Петергоф, прогнившая балюстрада*. Тогда как инверсия использована писательницей с целью ритмико-мелодической организации текста («Переживу, и Петергоф тяжелый» [1, с. 169]); а в первых стихах первой строфы – для создания эффекта архаизации («В сих раковинах – славы отзвук гулкий» [1, с. 169]), который усилен устаревшим местоимением *сих* («тех»), что придает поэтической строке торжественно-патетическое звучание.

Писательница, играя с прямыми и переносными значениями слов, мастерски использует разные виды полисемии: метафору («Его оград чугунная трава» [1, с. 169]) и метонимию («И Павловска эпическую медь» [1, с. 169]). Вследствие чего происходит реконструкция первоначальной образности слов: Аверьянова с новой для читателя стороны раскрывает знакомые образы. Так, она обнаружила сходство остроконечных кованых пик поверх полотна Чугунных (Николаевских) ворот, построенных в 1826 г. и являющихся воротами в Павловск по дороге из Царского Села, с травой. А ряд памятников, находящихся в парке Мариенталь назвала *эпической медью*, опираясь на существующую смежность между материалом и изделием из него.

Мегаполис предстает как «генератор культуры», противостоящий времени и хранящий память о прошлом» [14]. Город – модель культуры воспринимается в неразрывной связи с природой, составляя единую семиотическую сферу – «петербургский текст». При-

чем Петербург в сонете не только конкретное реальное пространство, не только герой, не только художественный образ – «вечный образ» культуры и главный, сквозной образ поэзии акмеистов, но и текст – пространство культуры, система «вечных образов» [2].

Минорная тональность «городского текста», изображение достопримечательностей города, видение красоты даже в ущербности и разрушении под натиском времени архитектурных сооружений («Ораниенбаум с прогнившей балюстрадой» [1, с. 169]) – все это определяет жанр произведения как «ностальгическую полуэлегию-полуоду городу», описанный Р. Д. Тименчиком в своих исследованиях литературы XX в. [12; 13]. Тогда как писательницей не только названо произведение «Сонетом», но и соблюдена поэтическая форма сонета: 14 строк, состоящих из двух катренов и двух терцетов с французской рифмовкой – abab abab ccd eed.

При этом стихотворение о Санкт-Петербурге от лица петербурженки приобретает характер некоего дневника воспоминаний и желаний, происходит «документализация» лирического повествования, которая «осуществляется анкетно мотивированной топонимикой, локально привязанными реалиями» [12]. Лидия Ивановна воссоздает опознаваемый город посредством сменяющихся «картинок», как бы записывая их в дневник памяти, который вдали от дома будет ей напоминать о красотах Родины. Таким образом, в аверьяновской мнемопоэтике изображение «картинок» сводится в некий каталог, в котором перечисляется всё, что близко сердцу писательницы.

Стихотворения «Стриж» и «Сонет» Л. И. Аверьяновой семантически сложные, насыщенные топонимами и культурными образами Санкт-Петербурга; в то же время отличаются стройностью композиции, метафоричностью языка, афористичностью поэтической речи. А метроритмическая организация текстов соотносится с их содержанием: так, ритмы «Сонета», придают переживанию лирической героини экспрессивную напряженность и драматизм; а стихотворный размер произведения «Стриж» передает спокойное созерцание происходящего сторонним наблюдателем. Тогда как мегаполис в поэтических текстах воспринимается в связи («Сонет») и оппозиции с природой («Стриж»), которая в первом случае выступает элементом утопического города-рая; а во втором случае, олицетворяя добро и любовь, она противопоставлена городской цивилизации. Разные поэтические видения города в «Стриже» и «Сонете» входят в сложное семиотическое единство, объединяющие «городские тексты» творчества модернистов.

Литература

1. Аверьянова Л. И. Vox Humana: Собрание стихотворений. М.: Водолей, 2011. 416 с.
2. Бурдина С. В. Архитектурный пейзаж Петербурга в зеркалах «Поэмы без героя» А. Ахматовой // Вестник Пермского университета. 2010. Вып. 2(8). С. 136 – 139.
3. Гаспаров М. Л. Семантический ореол метра: к семантике русского трехстопного ямба // Лингвистика и поэтика. М., 1979. С. 282 – 308.
4. Глинка М. С. В. М. Глинка: Воспоминания. Архивы. Письма. СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа, изд-во АРС, 2006. С. 135 – 136.
5. Кузмин М. Дневник 1934 года / под ред. Г. Морева. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 1998. 416 с.

6. Магомедова Д. М. Филологический анализ лирического стихотворения: учеб. пособие для студентов филол. фак. высш. учеб. заведений. М.: Академия, 2004. 192 с.
7. Озеров Ю. А. Введение в литературоведение: учебник для вузов. М.: Оникс, 2007. 256 с.
8. Руднев П. А. Из истории ритмического репертуара русских поэтов XIX – начала XX в. (Пушкин, Лермонтов, Некрасов, Тютчев, Фет, Брюсов, Блок) // Теория стиха. Л., 1968.
9. Рукописный отдел Института русской литературы (РО ИРЛИ). Ф. 355. Ед. хр. 18. [Les temps sont durs (фр.) – Тяжелые времена].
10. Словарь русского языка: в 4 т. / АН СССР; под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1988. Т. 4. 797 с.
11. Тарановский К. О взаимоотношении стихотворного ритма и тематики // Тарановский К. О поэзии и поэтике. М., 2000. С. 372 – 403.
12. Тименчик Р. Д. Петербург в поэзии русской эмиграции // Звезда. 2003. № 10. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2003/10/tim.html> (дата обращения: 26.01.2016).
13. Тименчик Р. Д. «Поэтика Санкт-Петербурга» эпохи символизма / постсимволизма // Семиотика города и городской культуры. Петербург. Труды по знаковым системам XVIII. Тарту, 1984. С. 117 – 124.
14. Шмидт Н. В. «Городской текст» в поэзии русского модернизма: дис. ... канд. филол. наук. М., 2007. 199 с.

Информация об авторе:

Родикова Ольга Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации Гуманитарного института Московского государственного университета путей сообщения, ov.rodikova@yandex.ru.

Статья поступила в редколлегию 01.02.2016 г., принята к печати 26.04.2016 г.

THE POEMS «SWIFT» AND «SONNET» FROM L. I. AVERIANOVA'S LETTERS TO A. I. KORSUN
Olga V. Rodikova^{1, @}

¹ *Moscow State Transport University*
@ ov.rodikova@yandex.ru

The paper describes the poems «Swift» and «Sonnet» by L. I. Averyanova in literary, historical and cultural contexts. The analyses of lexical features and metre-rhythmical organization of the poetical texts are introduced in the paper. The author revealed that the poems are assembled by the theme of love and description of the city scenery. However, the nature in the «Sonnet» is portrayed as an integral part of the city-myth, while people and the megalopolis in the «Sonnet» are opposed to the natural world. As a result of the study the poems from the correspondence between Averyanova and Korsun are attributed to the modernist texts about the city.

Keywords: poem, city text, the text of St. Petersburg, rhyme, lexical meaning, metaphor.

For citation: Rodikova O. V. Stikhotvoreniia «Strizh» i «Sonet» iz pisem L. I. Aver'ianovoi k A. I. Korsunu [The poems «Swift» and «Sonnet» from L. I. Averianova's letters to A. I. Korsun]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Kemerovo State University*, no. 2 (2016): 205 – 209.

References

1. Aver'ianova L. I. *Vox Humana: Sbranie stikhotvorenii* [Collected works by Aver'ianova L. I.]. Moscow: Vodolei, 2011, 416.
2. Burdina S. V. Arkhitekturnyi peizazh Peterburga v zerkalakh «Poemy bez geroia» A. Akhmatovoi [Architectural landscape of St. Petersburg in mirrors of the «Poem without a hero» by A. Akhmatova]. *Vestnik Permskogo universiteta – The Reporter of Perm's University*, no. 2(8) (2010): 136 – 139.
3. Gasparov M. L. Semanticheskii oreol metra: k semantike russkogo trekhstopnogo iamba [Semantic halo of metre: to the semantic of the Russian iambic trimeter]. *Lingvistika i poetika* [Linguistics and Poetics]. Moscow, 1979, 282 – 308.
4. Glinka M. S. *V. M. Glinka: Vospominaniia. Arkhivy. Pis'ma* [V. M. Glinka: Flashbacks. Archives. Letters]. Saint-Petersburg: Izd-vo Gosudarstvennogo Ermitazha, izd-vo ARS, 2006, 135 – 136.
5. Kuzmin M. *Dnevnik 1934 goda* [The diary of 1943]. Ed. Morev G. Saint-Petersburg: Izd-vo Ivana Limbakha, 1998, 416.
6. Magomedova D. M. *Filologicheskii analiz liricheskogo stikhotvoreniiia* [Philological interpretation of a lyric]. Moscow: Akademiia, 2004, 192.
7. Ozerov Yu. A. *Vvedenie v literaturovedenie* [Introduction to literary studies]. Moscow: Oniks, 2007, 256.
8. Rudnev P. A. Iz istorii ritmicheskogo repertuara russkikh poetov XIX – nachala XX v. (Pushkin, Lermontov, Nekrasov, Tiutchev, Fet, Briusov, Blok) [From the history of rhythmic repertory of the Russian poets (Pushkin, Lermontov, Nekrasov, Tiutchev, Fet, Briusov, Blok)]. *Teoriia stikha* [Poem's theory]. Leningrad, 1968.

9. Rukopisnyi otdel Instituta russkoi literatury (RO IRLI) [The Department of manuscripts of the Institute of Russian literature]. Fund 355, File 18.
10. *Slovar' russkogo iazyka* [The dictionary of the Russian Language]. Ed. Evgen'eva A. P. Moscow: Russkii iazyk, 1988, vol. 4, 797.
11. Taranovskii K. *O poezii i poetike* [About poetry and poetics]. Moscow, 2000, 372 – 403.
12. Timenchik R. D. Peterburg v poezii russkoi emigratsii [Petersburg in Russian emigration's poetry]. *Zvezda – The Star*, no. 10 (2003). Available at: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2003/10/tim.html> (accessed 26.01.2016).
13. Timenchik R. D. «Poetika Sankt-Peterburga» epokhi simvolizma / post-simvolizma [«Poetics of St. Petersburg» of the symbolism/postsymbolism epoch]. *Semiotika goroda i gorodskoi kul'tury. Peterburg. Trudy po znakovym sistemam XVIII* [Significance of the city and city culture. Petersburg. Works on sign systems XVIII]. Tartu, 1984, 117 – 124.
14. Shmidt N. V. «Gorodskoi tekst» v poezii russkogo modernizma [«City text» in poetry of the Russian modernism]. Moscow, 2007, 199.

Received 01.02.2016, accepted 26.04.2016.